

Т.В. Темаев, И.В. Темаева, А.Г. Финаева

РОЛЬ ДОМА-ИНТЕРНАТА В РЕСОЦИАЛИЗАЦИИ БЫВШИХ ОСУЖДЕННЫХ ПОЖИЛОГО ВОЗРАСТА

В статье на основе применения качественной методологии осуществлен социологический анализ ресоциализации осужденных пожилого возраста в рамках специального дома-интерната. В противовес традиционным представлениям об эффективности постепенного включения бывшего осужденного в общество посредством различных институтов, доказана его низкая продуктивность и тупииковость в ресоциализационном контексте для пожилых граждан. Показана также безальтернативность данного учреждения в медико-реабилитационном направлении.

Ключевые слова: *преступность, осужденный, пожилые люди, ресоциализация, дом-интернат, семья, качественная методология.*

...За эти деньги любой дом престарелых возьмет его без проблем.

(сотрудник исправительного учреждения)

Освобождаясь из исправительного учреждения (ИУ), бывшие заключенные следуют различными путями, многие из которых снова приводят их на криминальную стезю. В итоге общество сталкивается с состоявшимися «неисправимыми» преступниками предпенсионного или пожилого возрастов, которых по-прежнему необходимо адаптировать к условиям жизни обычного общества. Отталкиваясь от ранее проведенных нами исследований (см. Темаев 2008; Темаев, Мельникова 2010), в качестве положительных можно выделить следующие ресоциализационные стратегии бывших пожилых осужденных: трудовую стратегию, нацеленную на обеспечение трудоспособной части пожилых осужденных институциональными условиями для успешного построения моделей поведения, и сберегающую стратегию, делающую упор на адапта-

---

Темаев Тимур Вадудович — кандидат социологических наук, докторант кафедры социологии, социальной антропологии и социальной работы Саратовского государственного технического университета им. Ю.А. Гагарина (timur_temaev@mail.ru).

Темаева Ирина Викторовна — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии, социальной антропологии и социальной работы Саратовского государственного технического университета им. Ю.А. Гагарина (tiv27@mail.ru).

Финаева Анастасия Геннадьевна — аспирант кафедры социологии, социальной антропологии и социальной работы Саратовского государственного технического университета им. Ю.А. Гагарина (Afina-88@mail.ru).

цию пожилых людей с криминальным прошлым и ослабленным здоровьем в рамках специальных домов-интернатов.

Анализ различных видов стационарных учреждений социального обслуживания граждан третьего возраста позволяет выделить две модели. Первая — «модель складирования», основной задачей которой является присмотр, уход за человеком и продление жизни, вторая — «развивающая модель», в ее задачи входит не только присмотр, но и развитие способностей, нераскрытых ресурсов пожилых людей. Учреждения второго типа только начинают формироваться в России. В стационарных учреждениях для пожилых людей медико-патронажный подход, связанный с уходом, лечением и присмотром за представителями третьего возраста, остается доминирующим.

Задачей данной статьи является социологический анализ роли специального дома-интерната для бывших осужденных пожилого возраста в ресоциализационной перспективе. Гипотезой исследования выступает представление о том, что ресоциализация бывших осужденных пожилого возраста в рамках специальных домов-интернатов является одним из наиболее перспективных и эффективных направлений, предложенных государством.

Методические замечания

Разработка программы исследования, постановка исследовательских задач и гипотез, подготовка инструментария, сбор и анализ материала, а также работа над статьей проводилась по методологии «двойной рефлексивности» (N=35, 2010–2012 гг.). Концепция двойной рефлексивности связывает теоретические категории качественного исследования и качественно-количественного интерфейса со стратегиями полевого исследования интерактивного типа, которому присущи вживание, глубинные интервью, а также коллективная интеллектуальная поддержка в режиме «длинного стола» (Шанин, Ковалев, Штейнберг 1999: 317–344)*. Количество респондентов обусловлено насыщением кодировочных категорий (когда интервью с новыми респондентами не дают исследователю нового понимания для раскрытия темы). Респондентами выступали граждане предпенсионного и пожилого возрастов, проживающие в специальном доме-интернате г. Новоузенска Саратовской области, бывшие осужденные пожилого возраста (60–74 лет) семи исправительных учреждений. В качестве эксперта в исследовании вы-

---

* Участники «длинного стола» при кафедре социологии, социальной антропологии и социальной работы Саратовского государственного технического университета имени Гагарина Ю.А.: руководитель — к. соц. н. Т.В. Темаев, участники — к.соц.н. И.В. Темаева, аспирантка А.Г. Финаева.

ступили старшая медсестра учреждения, сотрудник полиции, отвечающий за порядок и оперативную работу в рамках дома-интерната, и заместитель начальника одной колонии по кадровой и воспитательной работе.

Ключевым вопросом исследования являлся вопрос: «Является ли помещение бывших осужденных пожилого возраста в специальный дом-интернат их успешной ресоциализационной траекторией»? Вопросы, задаваемые сотрудникам исправительных учреждений и осужденным, были разбиты на три блока: «Кого направляют в дом-интернат?», «Планы на будущее и взаимоотношения с семьей и родственниками», «Ресурсы учреждения и взаимоотношения проживающих в нем».

Все интервью с респондентами проводились на территории дома-интерната или исправительного учреждения в отдельном помещении в присутствии сотрудника учреждения. Ввиду специфичности респондентов интервью имели различную длительность и содержание: 20–40 мин., в среднем по 25 минут. При транскрипции авторы статьи старались сохранить специфику «естественного словаря» респондентов (Девятко 2006: 47) (ненормативная лексика в статье не использовалась, жаргон и контекст пояснялись). В процессе вербальной коммуникации мы старались свести к минимуму отмеченный Г. Батыгиным «эффект смысловых ножниц» и «семиотический вакуум», вызванный несовпадением фокусов речи (Батыгин 1995: 50).

Общие положения

Коррекцию поведения человека, осужденного на отбывание наказания в местах лишения свободы, можно осуществить посредством процесса ресоциализации, который, в итоге, наблюдается в двух направлениях: к условиям исправительного учреждения и к условиям жизни обычного общества после длительного пребывания в ИУ и выхода на свободу. Теоретически, первое направление должно заканчиваться после демонстрации бывшим преступником полного конформного поведения к условиям режима ИУ, после чего должна реализовываться следующая его функция — воспитание новой (не преступной, положительной) личности. При этом человек, отмеченный неоднократным пребыванием в исправительных учреждениях, по-видимому, процессом ресоциализации уже не затронут, т. к. его образ жизни (криминальный) коррекции не подвергается, а, наоборот, периодически воспроизводится. В итоге к пожилому возрасту формируется тип личности, который характеризуется практически полной неспособностью к позитивной самостоятельной жизнедеятельности в рамках обычного общества. В данном случае вариантов его положительного существования немного, да и они, по большей части, являются лишь теоретическими предположениями.

Трудовая стратегия ресоциализации для бывших пожилых осужденных, отмеченная нами в актуальности, выглядит несколько неожиданно, хотя промежуточные результаты исследований показали готовность некоторой части пожилых граждан к посильной трудовой деятельности с возможным обеспечением жильем. В то же время маловероятно, что данная стратегия ресоциализации превратится в массовую, — скорее ее индивидуальный характер останется доминирующим. При этом дома-интернаты для бывших пожилых осужденных существуют и функционируют сегодня, именно поэтому наш исследовательский интерес был направлен на изучение ресоциализационной роли такого специального дома-интерната.

С середины 50-х гг. XX столетия в России сложились определенные модели стационарных учреждений социального обслуживания граждан. Дома-интернаты для престарелых граждан, в зависимости от контингента проживающих, могут приобрести определенную специфику. Например, интернаты для бывших осужденных, освобождаемых из мест лишения свободы, особо опасных рецидивистов и других лиц, за которыми в соответствии с действующим законодательством установлен административный надзор, а также престарелых или инвалидов, ранее судимых или привлекавшихся к административной ответственности за нарушения общественного порядка, занимающихся бродяжничеством или попрошайничеством.

Кого направляют в дом-интернат

Определение в специальный дом-интернат — процесс трудоемкий, начинающийся от составления запроса и заканчивающийся ожиданием свободного места в нем. Интервью с осужденными пожилого возраста показали, что большинство не знает о существовании такого рода учреждений, а получив о них информацию, выразили нежелание оказаться после освобождения в каком-либо еще государственном «учреждении». Тем не менее, в постпенитенциарных учреждениях нет свободных мест, существует очередь на так называемую путевку — спрос превышает предложение:

«Там, в бомжатнике, сколько путевку ждать? Ну, некоторые полгода. Потом я на работу устроился сторожем. Строительство шло 9-этажки. Выходить на работу надо было, а тут путевка пришла. Вот и все. Вещички собрал и поехал» (бывший осужденный и БОМЖ, 74 года, 3 срока ИУ, июнь 2011).

Получить «путевку» в специальный дом-интернат можно различными способами. В основном осужденного пожилого возраста в интернат направляют сотрудники исправительного учреждения, готовящие его к выходу на свободу. Теоретически такое направление получают те, кто

не имеет никакого жилья или родственников, готовых принять их после освобождения. На практике же направление в специальный дом-интернат могут получить только осужденные пенсионного возраста и / или имеющие статус инвалида и, соответственно, получающие пенсию:

«Адаптировать их возможно, только если направлять их куда-то, а то, если им некуда поехать, они попадают в похожее (исправительное) учреждение» (начальник отряда пожилых осужденных и инвалидов, м. 27 лет, июнь 2010).

«Срок подходит, мы должны сделать запрос и трудоустроить его, либо оформляем в лечебное учреждение или диспансер» (сотрудник исправительного учреждения, м. 48 лет, май 2010).

Получить место в доме-интернате молодому человеку, освобождающемуся из мест лишения свободы, невозможно: его кандидатура даже не рассматривается, т. к. его ресоциализация должна проходить в рамках других социальных институтов. В специальные дома-интернаты попадают только пожилые граждане или инвалиды с оформленной пенсией, 75 % которой будет перечисляться на счет учреждения:

«Если у него есть пенсия, оформляют в дом престарелых. Если у него есть пенсия, то это очень легко. <...> Если он инвалид второй группы, у него пенсия 8 тысяч рублей. За эти деньги любой дом престарелых возьмет его без проблем» (сотрудник исправительного учреждения, м. 48 лет, май 2010).

«Дело в том, что они получают на руки только 25 % (от государственной пенсии по старости или инвалидности), а 75 % идет на счет интерната. Мы их должны содержать, государство, само собой, дает, но плюс еще и их 75 %» (сотрудница интерната, 55 лет, июнь 2011).

Таким образом, можно сделать вывод, что категория бывших осужденных, не имеющих места жительства, пенсии по инвалидности и / или по старости, оказывается после освобождения на улице, и ее перспективы в ресоциализационном контексте сомнительны.

При этом не все пожилые граждане, проживающие в доме-интернате, попали в учреждение сразу же после освобождения. Некоторые, освободившись, проживали где-либо значительное время (до нескольких лет), некоторые потеряли жилье, «обитали» на улице, попрошайничали. В результате после лечения различных заболеваний (например, алкоголизма) и длительного пребывания в «подвешенном» состоянии (временные пристанища, проживание на улице и т. п.) они получали направление в дом-интернат:

«Узнаю, что сынок мой продал квартиру <...> Захожу, он сидел в кухне <...> Чух ему в чухало [ударил в лицо]. Чух опять ему. Май прошел, июнь прошел, июль — тишина. На эту приходит [квитанция за квартиру] каждый месяц, на Сидорову. Меня [в квитанции] нету, его [сына] нету — вы-

писаны уже. <...> бомжевал зиму на улице, мерз-замерзал. А весной мне один подсказал, говорит, иди в бомжатник, иначе крякнешь [умрешь]. <...> Ну и отвел меня в бомжатник, там лето побыл до июня. Говорят мне: «Езжай в интернат, там такая жизнь: живи — не хочу!» (бывший осужденный и БОМЖ, 74 года, 3 срока ИУ, июнь 2011).

Другие пожилые граждане могут быть направлены в специальный дом-интернат участковым уполномоченным по причине постоянного создания конфликтных ситуаций и невозможности мирного совместного проживания со своими родственниками и соседями:

«Вот они его помиловали, выпустили. Там-то [в ИУ] он, понятно, хорошо себя ведет, там все по закону, а здесь [у себя дома] он показывает свои зубы. Происходит конфликтная ситуация, вместе они [пожилой освободившийся и его сестра] жить не могут. Уговори его хотя бы в дом для престарелых поехать [т. е. специальный дом-интернат], пусть он там живет, другого выхода нет, иначе они друг друга поубивают» (инспектор Волжского отдела РОВД г. Саратова, муж. 40 лет, июнь 2010).

«На 9 мая в доме для престарелых [обычный дом для престарелых граждан] сели отмечать. Сели мы в компании, там один мужик был, ну, налили ему. Потом говорим: уходи, ты не наш. А я сало резал. Меня он толкнул, а я его так... чуть-чуть [порезал ножом]. <...> В Каменке [ИУ] сидел. <...> Потом квартиру искал, врач знакомый говорит: «Дед, давай я тебе помогу». <...> Ну, сюда направили» (бывший осужденный, 1 срок ИУ, 66 лет, июнь 2011).

Итак, можно констатировать, что четкой системы принятия и реализации решения о направлении человека в дом-интернат не наблюдается. Решения о направлении в дом-интернат принимаются сотрудниками ИУ, работниками приютов для лиц без определенного места жительства и органов социальной защиты, а также участковыми уполномоченными. При этом такое решение не связано с какой-либо ресоциализационной схемой, т. к. большее значение имеет наличие у пожилого гражданина оформленной пенсии по старости или по инвалидности, а не его способность или неспособность к самостоятельной жизни.

Планы на будущее, взаимоотношения с семьей и родственниками

Ресоциализация осужденного любого возраста рассматривается и как процесс, и как результат. Как процесс ресоциализация включает в себя прохождение определенных этапов: пенитенциарного (разрыв негативных связей, предотвращение отрицательной нормирующей экспансии тюремных условий на осужденного, исправление осужденного, подготовка к освобождению) и постпенитенциарного (адаптация на свободе, семья, работа, надзор со стороны правоохранительных служб), идентифицируемых по уровню, глубине, интенсивности социальной

интеграции осужденных. Ресоциализация в качестве результата фиксирует совокупность объективных обстоятельств, оказавшись в которых, осужденные имеют возможность воспользоваться предоставленными им социальными правами (Рыбак 2001: 29–30; Евтушенко 2005: 146). Ресоциализация осужденных выступает как механизм по включению бывшего осужденного после его освобождения в обычные условия жизни общества, ее успешность оценивается по достижению или не достижению этой цели, т. е. по наличию или отсутствию положительного результата.

Именно с этих позиций мы и попытаемся рассмотреть перспективы пожилого человека, находящегося в рамках специального дома-интерната, за которые он — если отталкиваться от теории ресоциализации как результата — рано или поздно мог бы выйти, включившись в обычную жизнь общества. Сотрудники учреждения отмечают, что многие их «подопечные» считают свое пребывание в данном заведении временным:

«Есть такие, которые говорят: «Мы уедем домой». Звонить, конечно, родственники звонят им, но домой их никто не берет. <...> Хочешь домой поехать — ради бога, но прежде чем его отправить домой, нужно обязательно заявление от родственников, что они их пропишут, что они им предоставят жилплощадь, что у них будет, где жить. Никто на это не идет. Они, конечно, хотят уехать. Но... перспектив нет» (сотрудница интерната, 55 лет, июнь 2011).

Респонденты, проживающие в специальном доме-интернате, единодушие в ответах не продемонстрировали, но большинство опрошенных обозначили желание покинуть учреждение, если не сейчас, то в будущем:

«Служил в Афгане, получил ранение...., поэтому семьи и нет. А сейчас, думаю, найти женщину, здесь не останусь» (несудимый, 58 лет, много приводов в милицию, с сестрой в одном доме ужитья не может, июнь 2011).

[А вот планируете до конца дней здесь находиться?] *«Да я бы не хотел до самого конца дней, я хотел бы в Аткарск переехать. [В дом престарелых?] Да»* (бывший осужденный, 1 срок ИУ, 66 лет, июнь 2011).

«[А у вас какие планы? Здесь собираетесь до конца дней оставаться?] *Как до конца дней? [Ну до смерти?] До смерти. Да. А куда? Дочь живет в двухкомнатной квартире, их четверо, была бы 3-4-комнатная — еще куда ни шло»* (бывший осужденный и БОМЖ, 74 года, 3 срока ИУ, июнь 2011).

Таким образом, мало кто из опрошенных хотел бы остаться в доме-интернате, при этом многие проживающие в нем имеют семью или родственников, но поскольку большинство ресоциализационных стратегий им недоступны в силу возраста и здоровья, то в качестве основного их инструмента выступает институт семьи.

Согласно мнению сотрудников ИУ, в частности, инспекторов по социальной работе, налаживание семейных взаимоотношений является не только восстановлением социально полезных связей: семья является местом, куда пожилому осужденному, освобожденному от отбывания наказания в местах лишения свободы, можно будет вернуться пусть даже и на «временное» проживание. При этом около 70 % опрошенных респондентов в исправительных учреждениях не желают налаживать давно утраченные связи с семьей и родственниками, другие же, наоборот, желают, но являются отвергнутыми (10 %). В рамках специального дома-интерната наблюдается процесс восстановления утраченных связей, но именно на дистанции, т. е. родственники и проживающие в доме-интернате поддерживают взаимоотношения, но к совместному проживанию не тяготеют:

«[А дочь приезжает к вам?] Нет. Я хочу приехать. Она позвонила вчера мне. Они рано встают, рано уходят на работу. Вот дочка пойдет в отпуск в августе, вот я хочу съездить. [Она вас позвала к себе, да?] Да. Ненадолго, на полмесяца» (бывший осужденный и БОМЖ, 74 года, 3 срока ИУ, июнь 2011).

«Они все мечтают уехать, но только родственники их не берут. Они поддерживают связь по телефону, общаются, мы им разрешаем, приезжают, бывает. У нас есть специальная комната, если вот приехали к ним — пожалуйста. Мы их принимаем. Но, правда не на месяц и не на два, естественно, но день-другой они могут общаться» (сотрудница интерната, 55 лет, июнь 2011).

Таким образом, институт семьи в процессе ресоциализации бывшего пожилого осужденного участвует минимально, хотя любые контакты несут только положительные последствия. Ожидание встречи с родственниками или поездка к ним являются единственным значимым событием человека, проживающего в рамках специального дома-интерната. При этом такие контакты категорически редки — родительская семья, как правило, отсутствует по причине пожилого возраста самого респондента, связь с супружеской семьей прерывается задолго до наступления пожилого возраста, основной причиной чего является криминальная деятельность, длительность периода пребывания в исправительном учреждении, невыполнение функций мужа и отца. В пожилой период супружеская семья бывшего осужденного не готова взвалить на себя бремя ухода и заботы за чужим, по сути, человеком, обремененным физическими болезнями и психическими проблемами.

В результате можно констатировать, что для большей части пожилых людей, находящихся в рамках специального дома-интерната, перспективы включения в обычные условия жизни общества отсутствуют. Данного рода учреждения — это не «дома на полпути» А. Тоффлера

(Тоффлер 1997: 316), способствующие успешной ресоциализации и адаптации — это скорее тотальные организации, которые, наоборот, отдаляют пожилого человека от условий жизнедеятельности обычного общества. Причинами являются качественные характеристики бывших пожилых осужденных в ресоциализационном контексте, среди которых основные:

- транзитивность характера ресоциализации, когда повторные осуждения демонстрируют неэффективность предыдущих попыток и фиксируют деформацию личности пожилого осужденного, затрудняющие его социальную адаптацию;
- утрата или ослабление социально полезных связей, в том числе взаимодействия с семьей и детьми;
- усиление значимости лечебной (не социальной) составляющей в структуре ресоциализации.

В результате можно отметить, что подход к ресоциализации бывших пожилых осужденных к условиям жизни обычного общества не легитимен как в исправительных учреждениях, так и в рамках специального дома-интерната, в силу бесперспективности уже только по одному показателю — преклонному возрасту, даже не упоминая значимые факторы, перечисленные выше.

Ресурсы учреждения и взаимоотношения проживающих в нем

Определив реальность ресоциализационных перспектив бывших осужденных пожилого возраста, находящихся в специальном доме-интернате, и подчеркнув скорее «карцерную» сущность данного учреждения, рассмотрим ресоциализацию не как процесс, а как результат, и не к условиям жизни обычного общества, а к условиям пребывания в рамках данной постпенитенциарной организации. Теоретически ресоциализацию можно считать успешной при соответствии целей учреждения и его ресурсов, а также после демонстрации человеком, содержащимся в данном учреждении, полностью конформного поведения к условиям его функционирования.

Просматриваемая социологическая цель в деятельности данного учреждения, конечно, ресоциализационная, об этом говорят и сотрудники ИУ, и участковые, и сотрудники органов социальной защиты как на местах, так и в рамках ИУ. При этом штат сотрудников дома-интерната менее всего подходит для ресоциализационной функции — это врачи, психологи, медсестры, сестры-хозяйки и даже сотрудники полиции.

Подчеркнем, что в доме-интернате содержится 105 человек, на которых приходится примерно такое же количество его сотрудников, причем среди сотрудников нет специалистов по социальной работе, социологов, специалистов по реабилитации. В результате ресоциализационный

механизм в рамках данного учреждения осуществляется специалистами, призванными заниматься несколько иной работой, да и то по остаточному принципу. В качестве же основной миссии учреждения просматривается задача по поддержанию определенного уровня физиологического существования, т. к. речь идет об этапе их «доживания». Такое поддержание, конечно, включает социально-психологическую помощь, но не предполагает перспектив и возможностей дальнейшего развития.

В связи с этим особую актуальность в рамках дома-интерната приобретают вопросы организации свободного времени, которого неработающий, находящийся на полном обеспечении человек пожилого возраста имеет предостаточно. Сотрудники учреждения предлагают некий план мероприятий, направленный на создание благоприятной для проживания атмосферы, на включение постояльцев в совместную деятельность, на создание смыслообразующих компонентов жизни пожилых людей, влияющих на их физический и психологический статус. Но эффективность их усилий достаточно низка из-за постоянно возникающих трений в межличностных отношениях, вызванных психологической несовместимостью проживающих в учреждении, что актуализирует необходимость в специалистах по социальной работе, которые бы дополнили и повысили продуктивность деятельности имеющегося штата учреждения:

«[А драки бывают?] А как же. Раз пьяные есть... У нас тут милиция дежурит постоянно. Судимые люди. Как же не будет драк? Будут. [Бывали случаи, что обратно в исправительное учреждение попадали ваши подопечные?] Бывали. Редко, правда. Но бывало, что отправляли назад. Недавно у одного заточку нашли» (сотрудница интерната, 55 лет, июнь, 2011).

Таким образом, взаимоотношения среди проживающих в доме-интернате, а соответственно, и их социально-психологическое самочувствие, остаются напряженными, что не свидетельствует о благоприятных условиях для ресоциализации. В настоящее время рельефно проявляется потребность в изменении внутренней структуры подобных учреждений, т. к. ни индивидуальной программы, ни включения в жизнь коллектива среди проживающих не наблюдается, а это необходимое условие успешной ресоциализации:

«А больше куда деваться? Вот здесь разношерстная публика, собранная со всей области. Тут и судимые и несудимые, а половина — алкаши. А говорить не с кем. А человеку что нужно? Душевное общение, поговорить, поделиться, шутки-прибаутки. Этого здесь нет. Живет каждый сам по себе. <...> кормежка плохая. Самая отвратительная. В интернатах где-то, конечно, хорошо кормят, а тут плохо» (бывший осужденный и БОМЖ, 74 года, 3 срока ИУ, июнь 2011).

[«А здесь вам как живется? Все устраивает?»] *Кормят, поят... все* [то есть более никаких мероприятий не проводится] (бывший осужденный, 1 срок ИУ, 66 лет, июнь 2011).

«Вот он сейчас правильно сказал: даже поговорить, пообщаться не с кем. Потому что один пьяный, другой судимый, третий еще какой-то» (сотрудница интерната, 55 лет, июнь 2011).

Таким образом, специальный дом-интернат, в котором содержатся бывшие осужденные пожилого возраста, представляет собой учреждение, соответствующее первой модели — «складирования», основной целью которой является создание условий, обеспечивающих удовлетворение минимальных потребностей пожилых граждан, и организация медицинской помощи. При этом если институт семьи не готов выполнить свои функции по отношению к бывшим пожилым осужденным, не имеющим собственного жилья, то лишь специальный дом-интернат представляет собой альтернативу проживанию на улице. По сути дела речь можно вести о последнем, единственно возможном в создавшихся условиях, варианте устройства «неисправимого», «неуживчивого» бывшего пожилого осужденного, но только с оформленной пенсией, демонстрирующего неготовность к самостоятельной положительной жизни в рамках общества.

Выводы

По результатам проведенного социологического исследования роль специального дома-интерната для бывших осужденных пожилого возраста в ресоциализационной перспективе можно свести к нескольким основным пунктам:

1. Бывшие осужденные пожилого возраста, проживающие в специальном доме-интернате, — это лица, жизнь которых, отчасти или в основном, прошла в местах лишения свободы, связь с родственниками у многих утеряна, собственные семьи давно распались. Данная категория лиц демонстрирует либо стойкие криминальные убеждения, либо «задиристо-хулиганский» тип поведения. Представители данной группы характеризуются высокой степенью социальной дезадаптированности: ослабленное здоровье, низкий культурный, общеобразовательный, профессиональный уровень, отсутствие собственного постоянного места жительства, зависимость от алкоголя и / или наркотиков. Осужденные данной категории нуждаются в постоянной заботе государства (вплоть до ухода из жизни) в рамках исправительного учреждения, а затем в постпенитенциарном сопровождении (помещении в специальные дома-интернаты).

2. В настоящее время направление содержания пожилых людей девиантного поведения в рамках специального дома-интерната в основ-

ном сводится к поддержанию определенного уровня физиологического существования, устраняется вся социально-психологическая проблематика. Речь идет, главным образом, об этапе «доживания», когда нет перспектив и возможностей для дальнейшего развития. Пожилые обитатели рассматриваются как «отработанный ресурс», а социальная помощь и поддержка данной группе населения квалифицируется как «неразумное вложение средств».

3. В рамках специального дома-интерната для бывших осужденных пожилого возраста реализуется модель «угроза обществу», «объект жалости и нелюбви», «объект обременительной благотворительности», предполагающая изолированность обитателей этих учреждений от общества, отсутствие условий, поддерживающих социальную активность. Реабилитационное направление деятельности стационарного учреждения, ставящее целью продление активного периода жизни пожилых людей, заявлено, но не просматривается. Ресоциализация как цель данной организации не наблюдается и, соответственно, не реализуется.

Таким образом, в современной России из очевидных и безальтернативных агентов ресоциализации пожилых осужденных в постпенитенциарный период является помещение в специальный дом-интернат. При этом определить положительную ресоциализационную траекторию невозможно, т. к. включение в обычные условия жизни общества или в условия положительного проживания в рамках специализированного дома-интерната не наступают. В результате мы можем констатировать, что гипотеза нашего исследования не подтвердилась — ресоциализация бывших осужденных пожилого возраста в рамках специальных домов-интернатов не является одним из наиболее перспективных и эффективных направлений, предложенных государством. Данная мера применяется в качестве последнего «архивного» направления бывшего пожилого осужденного, и, по сути, представляет собой билет в один конец.

Литература

- Батыгин Г.С.* Лекции по методологии социологических исследований / Учебник для студентов гуманитарных вузов и аспирантов. М.: Аспект-Пресс, 1995.
- Девятко И.Ф.* Методы социологического исследования. 4-е изд. М.: КДУ, 2006.
- Евтушенко И.И.* Условно-досрочное освобождение осужденных к лишению свободы и их ресоциализация: Монография. Волгоград, 2005.
- Рыбак М.С.* Ресоциализация осужденных к лишению свободы: проблемы теории и практики. Саратов, 2001.
- Темаев Т.В.* Религия в жизни пожилого осужденного // Социологический журнал. 2008. № 4. С. 107–118.

Темаев Т.В., Темаева И.В., Финаева А.Г. Роль дома-интерната...

Темаев Т.В., Мельникова О.А. Роль семьи в социальной адаптации пожилого осужденного // Журнал социологии и социальной антропологии. 2010. Т. XIII. № 2.

Тоффлер А. Футурошок. СПб.: Лань, 1997.

Шанин Т., Ковалев Е.М., Штейнберг И.Е. Методология двойной рефлексивности в исследованиях современной российской деревни // Качественные методы в полевых социологических исследованиях. М.: Логос, 1999.